

Похоронная процессия отправляется или о возвращении на край Света и о замыкаемости круга

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Но Отец не мог уже ничего больше слышать. Он умер прошедшей зимой в глубочайший сибирский мороз, не дожив пару месяцев до «горбачевской оттепели» и до своего семидесятисемилетия.

Он умер от отягченной гриппом астмы. Он умер быстро и легко, как и его отец шестьдесят шесть лет тому назад.

Предыдущим вечером его посетила медсестра из деревенской больницы и дала ему успокоительный укол. Он уснул и никогда больше не проснулся.

Его прикончил не удар ломом по голове, как он имел обыкновение шутить о все переживших немецких колонистах.

Его добил нормальный до тошноты грипп и один до тошноты подозрительный укол какой-то до тошноты тупой медсестры.

Может быть еще и вся его до тошноты проклятая жизнь.

Удар ломом по голове пережил скорее Малыш, когда получил телеграмму о смерти Отца.

Он приехал к Отцу на следующий день после его смерти. Другие братья были уже на месте.

В этот раз у них было еще меньше чего сказать друг другу, но теперь у них прошел и смех – слишком большими были шок, замешательство и растерянность – слишком велика была потеря.

Общее чувство охватило их: как будто исчезла у них под ногами почва и ничего больше не будет так, как было когда-то.

Отец был силой притяжения, которая держала их всегда вместе, и пунктом притяжения, к которому они всегда собирались вместе.

Их закрытая ячейка, Семья, распалась одним ударом, и с этим распался их интелегибельный мир.

Тридцатичетырехлетний, прошедший огонь и воду, потертый и стойкий к ударам судьбы Малыш чувствовал себя, вдруг, снова маленьким, потерянным и покинутым – один на всем белом Свете.

Чувство, которое более двадцати лет назад делало его таким больным, вернулось к нему вновь. Только теперь это была реальность, а больше не его больная фантазия.

*

Малыш сидел всю ночь с другими братьями в кухне и глушил себя водкой.

Открытый гроб стоял в комнате.

Печку не топили, и внутри было дико холодно.

Время от времени Малыш вставал и шел к Отцу в комнату напротив.

Он лежал в гробу с таким расслабленным и довольным лицом, какого Малыш никогда в жизни у него не видел.

И тут ему стало обидно, и он говорил своему Отцу, своему другу детства, своему камераду и коллеге по работе:

– Что, сбежал? Теперь ты доволен. Естественно!

– ...

– А что теперь со мной? О чем ты думал при этом?

– ...

– Тебе надоело, наконец, это проклятое нами всеми дерьмо – это ясно! Но меня-то ты породил в это дерьмо! Между прочим, не спросив меня даже, надо ли мне это было!

– ...

– А теперь ты меня еще и оставляешь в беде, одного прямо в этом дерьме. Это твое камерадство?

– ..

– Теперь ты молчишь! Наконец, тебе нечего сказать! А то ты всегда был в курсе дела!

При этом выл Малыш горько и отчаянно.

Потом пришел старший брат, взял его за плечи и вывел наружу:

– Пойдем! Оставь его покоиться с миром! Свой покой он вот уж действительно заслужил! И никакого объяснения или оправдания он не остался нам должен!

И они шли снова в кухню, и утешали себя, и согревали себя внутренне снова водкой.

*

Два дня ждали они свою сестру, которая должна была прилететь издалека на похороны, прощались и не смыкали глаз.

Во время этого было уже все подготовлено.

Сестра прибыла со своим мужем.

Термометр снаружи замерз на минус сорока пяти.

Их улица была – как и всегда в их детстве – до крыши заметена снегом.

Путь к родному для Малыша кладбищу был мало-мальски пробит в снегу бульдозером.

Путь за деревней – примерно два километра – туда, где раньше лежал их «хутор».

Гроб был поставлен на конные сани.

Последнее бегство Отца.

В этот раз от своей собственной семьи.

Похоронная процессия отправилась.

На краю деревни четыре сына взяли гроб с саней на свои плечи и несли его дальше.

Только теперь поняли они, наконец, почему они именно вчетвером были порождены Отцом.

И было невыносимо видеть, как Отец – совсем один и так совсем внизу – скользит на санях над намертво заснеженной и намертво замерзшей улицей.

Теперь парил и скользил он на их плечах совсем вверху, над головами всей процессии.

Они несли его два километра, и никто из чужих больше не подступился к нему.

Малыш понял, что это было единственное, что они еще могли сделать для него.

Идти с ним на плечах вместе через сугробы и через людей, как он это так по-детски любил, и что делало его таким гордым за своих сыновей.

Они несли его к их старому кладбищу.

На нем он ожидал рождения Малыша.

На нем он породил Малыша.

Оно стало когда-то для Малыша игровой площадкой.

Это кладбище было когда-то всем его белым Светом.

Здесь, на его краях, выбрал Малыш свой горизонт.

Здесь носил его тогда Отец на своих плечах.

Теперь возвращался Отец на его плечах назад на свой «хутор».

На выдуманный им или принесенный им в мечтах из своего детства хутор.

Потому что все в мире вращается по бесконечным кругам.

И ничего в мире, кроме человеческой порядочности и прямоты, не бывает прямым.

Потому что любая видимая прямая есть всего лишь окружность бесконечного радиуса.

И все – даже то, что казалось потерянным – возвращается когда-либо снова на круги своя.

И все, что уже происходило, происходит теперь снова.

И будет снова происходить и приходить другими.

Но этот круг замыкался теперь, как-будто между этим ничего и не было.

Между его началом и концом было все ничто.

И ничего больше не есть, и не будет, и не станет быть, как было раньше..

*

На кладбище в течение всего прошедшего дня четыре чужих, хорошо обеспеченных водкой мужика выгрызли с мукой, огнем и ломом могилу для Отца в насмерть замерзшей земле.

После короткого прощания сыновья заколотили крышку гроба и опустили его на веревках вглубь могилы.

Только потом могли снова подступиться чужие, чтобы засыпать могилу замерзшими комьями земли.

Это звучало так, как-будто Отец пробиться пытался из гроба наверх к ним.

Как-будто вспомнил, вдруг, что он им что-то самое последнее и самое очень важное сказать забыл.

Поведение сыновей было против всех нравов и обычаев даже в этом тюремном поселении, где не было вообще никаких нравов и обычаев.

Но и это тоже было сейчас сыновьям совершенно все равно.

Это было единственное, что они еще могли сделать для Отца.

И ни один человек не пытался их упрекнуть.

Люди, казалось, поняли это.

*

После похорон было быстро покончено с другими делами.

Мать должна была теперь идти в семью самого старшего, ею в Сибири по имени Отца названного сына, который жил на соседней улице.

Родительское домашнее хозяйство было распущено, то есть почти все было выброшено и принадлежавшая свиновхозу квартира освобождена для свиных нужд.

Мать могла, из-за недостатка места в квартире сына, взять с собой только комод, свою древнюю швейную машинку «Зингер», которая обеспечивала когда-то всю Семью одеждой, и старую, но очень звучную гитару Отца.

Один из выдвижных ящиков этого комода, который принадлежал Отцу и всегда – уже только из-за нападений «мятежников», как он любовно называл своих внуков – был замкнут на ключ, был вскрыт.

Там внутри лежали те три жестяные коробки, две начатые после войны записные книжки, связка писем от Тети из Германии и девятьсот рублей, которые Отец хотел после своего отхода оставить Матери и которые он все последние годы откладывал.

Эта сумма складывалась из прибылей от продажи помидоров, которые Отец в последние годы очень успешно выращивал и продавал жителям деревни, которые были в этом не так успешны.

Среди этих рублей была, вероятно, пара из тех, которые ему иногда подсовывали сыновья и дочь.

Эта забота и эта неполная тысяча рублей могли вызвать слезы.

Малыш в этом году «сделал» за один месяц на Севере как раз вдвое больше.

Только стоимость его денег и денег Отца были совершенно различных масштабов.

Это были в последние годы смысл жизни и гордость Отца, накопить эти деньги – что он еще всегда умел делать, иначе бы вся Семья уже давно сдохла с голоду – и тем самым позаботиться о Матери.

Никто не мог снять с него эту обязанность.

Что касалось зарабатываемых сыновьями «больших» денег, то он был уже рад тому, что сыновья больше совсем или по крайней мере больше не так часто приходили к нему, чтобы одолжить денег, и были, наконец, в состоянии сами о себе заботиться.

Как наследство Отца Малыш получил двукратную лупу, поскольку он унаследовал глазную болезнь Отца, да еще и потерял свой правый глаз; одну из жестяных коробок с хранящимся в ней еще со времен войны бритвенным прибором Отца и старый, на одном из чердаков во время их овместной работы найденный, в 1956 году выпущенный и слово «геноцид» определяющий словарь иностранных слов.

Это была единственная книга, в которой Отец в конце еще мог с помощью своей лупы что-то высмотреть.

Отец считал, что Малыш как ученый должен непременно иметь эту книгу, но все же только после его смерти.

В конце Малыш списал еще в свою записную книжку адрес Тети в ФРГ: Dinsla-ken/NR... Просто так, на всякий случай.

Последняя, слегка поблескивающая нить Ариадны, связывающая его с Отцом, который все эти годы был один ответственен за переписку с Германией.

Это было также последнее, что Отец еще мог для него сделать, чтобы оправдаться перед ним и ответить на его ночные вопросы у гроба.

И это стало не мало...

*